ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ

города Костромы

1967–2001 годы

Кострома, 2002

ББК 63.3 (2)
П-654

Редактор-составитель
Б. Н. Годунов

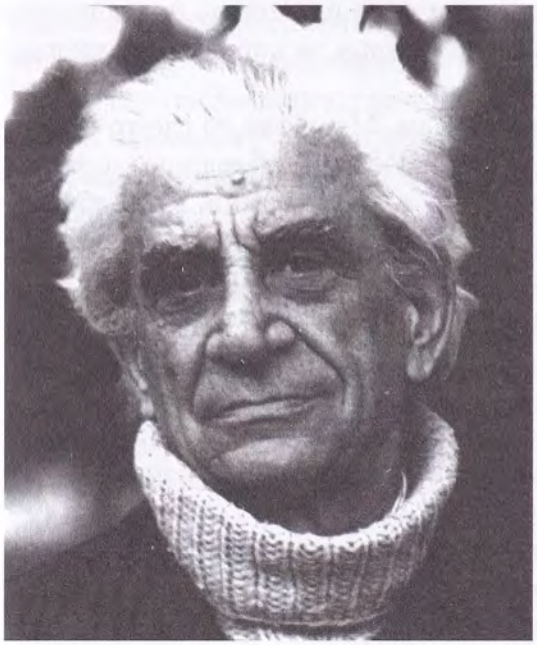
Почетные граждане города Костромы. 1967—2001 годы: Сборник биографических очерков /Составитель Б. Н. Годунов.— ГУИПП «Кострома», 2002.— 344 с.: ил.
ISBN 5-7668-0186-6

ISBN 5-7668-0186-6

© ГУИПП «Кострома», РИО (оригинал-макет), 2002

© Администрация города Костромы (текст, фото), 2002

Автобиография



ШЕВЕЛЕВ
Иосиф Шефтелевич

Иосиф Шефтелевич Шевелев — заслуженный архитектор России (1996 г.), академик Нью-Йоркской академии наук (1995 г.), лауреат муниципальной премии им. академика Д. С. Лихачева (1998 г.) — родился 22 января 1924 года в г. Витебске в Белоруссии. В 1941 году окончил 9-й класс гомельской средней школы. В первые дни войны с немецкими фашистами добровольцем записался в истребительный отряд, с июля 1941 года стал ополченцем Гомельского полка народного ополчения. Участвовал в боях под Гомелем (1941 г.), в Смоленской области и Подмосковье (1942—1943 гг.), в Прибалтике (1944 г.), Польше и Германии (1944—1945 гг.) — рядовым, командиром взвода, пом. начштаба батальона. Был ранен. Демобилизован в 1946 году в звании старшего лейтенанта.

В 1947 году поступил на архитектурный факультет Киевского инженерно-строительного института, который окончил в 1953-м, и с августа этого года живет в Костроме. Работал до 1970 года в Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской ведущим архитектором, с 1971-го — в институте "Костромагражданпроект". На пенсии с 1989 года.

Отмечен боевыми наградами: орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями "За победу над Германией", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За трудовую доблесть" и др., орденом Св. князя Даниила Московского III степени, знаком Св. Благоверного князя Александра Невского, знаком Преподобного Геннадия Костромского и золотой медалью почета Американского Биографического Института.

В 1999 году удостоен звания «Почетный гражданин г. Костромы».

В семье нас было трое детей: брат Вениамин, старше меня на 2 года, и сестра Генриета, на 4 года младше. Жилья своего у моих родителей никогда не было, жили мы, снимая угол в частной квартире, и кочевали с места на место в поисках лучшей жизни, но жизнь всегда была примерно одна и та же. Я донашивал одежду брата, и мне никогда не приходило в голову, что бывает иначе. От житейских лишений я не страдал, не ощущал их никогда, и это осталось у меня на всю жизнь.

Наши детские годы — сплошные переезды. Мы жили то где-то на Алтае, то в Татарии, то в Казахстане, то в Козлове на Тамбовщине, то в Малоярославце и других местах Подмосковья, жили в Рязани, в Витебске и Гомеле у родственников матери, в Москве у родителей отца, но очень недолго. Переезды были нетрудны: из вещей, кроме постельного белья, у нас ничего не было. Мать любила отца и безропотно следовала за ним с тремя детьми.

Хорошо помню деревенскую русскую школу в Татарии, верст за 5 от деревни, где жила наша семья. От понедельника и до пятницы жили мы у учителя. Школой была одна комната в деревенской избе, где у окон за столами сидели старшеклассники, а с другой стороны, ближе к печи, — мы, малыши. Учитель был один. Это был мой первый класс. С детства я полюбил читать. В старших классах много читал и часто — на уроках физики, химии, обществоведения. В седьмом классе я проучился два года. Мне хотелось стать писателем. Хотелось прославиться. Меня волновали повести о людях, ярко одаренных и героических. "Осуждение Паганини" Виноградова я запомнил на всю жизнь. В "Кондуите и Швамбрании" мне нравилось выдуманное государство, меня волновала судьба Павки Корчагина, я завидовал школьникам "Кондуита", бросающим патроны в печь, чтобы напугать учителя, и жалел, что опоздал родиться: революция уже была, все подвиги сделаны, все уже счастливы, и я никому не нужен.

Когда началась война, мне было 17 лет. 19 августа батальон гомельского полка народного ополчения был разбит под деревней Поколюбичи. Немецкие танки шли к Гомелю по шоссе, обгоняя нас. Мы двигались за домами, огородами. В этом бою я был тяжело ранен осколком мины. Жив я остался благодаря Ване Стародубову, вернувшемуся за мной, когда я упал, ослабев от потери крови. Он и еще один мне неизвестный солдат донесли меня на руках до нашей передовой, где сестры перевязывали выходящих из боя раненых.

Полевой госпиталь, бомбежки, санитарные эшелоны и наконец большой госпиталь в Харькове, там — операция, и вновь санитарный эшелон —

в глубокий тыл на Урал. В госпитале под Челябинском я пробыл 5 месяцев. В январе 1942 года, когда медицинская комиссия капитально чистила госпиталь, готовясь к приему большой партии раненых, мне предложили демобилизоваться по ранению, но я отказался. Хотел вернуться на фронт, ехать в тыл было некуда, и я получил направление в Московское народное ополчение. Попасть туда мне не удалось. В голодной и холодной Москве января 1942 года, с незажившей еще раной, на 3-й день своего там пребывания, где-то на улице Горького я увидел надпись "Районный военкомат". Там я получил талоны на завтрак, обед и ужин (все это съел в один присест) и направление на сборный пункт на Стромынку. Так я стал солдатом 33-й армии Западного фронта. Эшелон доставил нас в Боровск. Нас построили и спросили, кто имеет среднее или незаконченное среднее образование. Шаг вперед — и я становлюсь курсантом 2-месячных армейских курсов младших лейтенантов. Учусь отлично. Меня аттестуют на лейтенанта. Там я стал неплохо стреляющим станковым пулеметчиком, но лейтенантом все же не стал . Буквально за два-три дня до получения звания я попадаю в наряд — в караул у продовольственной палатки. Под утро, прогревшись, я сплю в караулке. Меня будят, обыскивают (ищут табак), ничего не находят (я не курил) и — на строгую губу на трое суток в яму, где горячая баланда раз в сутки (гауптвахты в тех полевых условиях не было), и отправляют, без суда и каких-либо доказательств вины, рядовыми на передовую с соответствующей характеристикой всю нашу караульную смену: молодого сержанта Куприянова, старика Тихомирова и меня. Честь, слава, где вы? Через год мой политрук Желваков, посылая меня на курсы комиссаров батарей, скажет: "Каким ты стал честным, хорошим парнем! Как здорово мы тебя перевоспитали! Помнишь, каким ты к нам пришел?!"

Район разъезда Темкино. Март. До немцев от нашей позиции 30—40 метров. Снег черен от постоянных разрывов мин, а вода, которую мы из него вытапливаем, кислая на вкус. Днем снег тает под мартовским солнцем, а ночью наши намокшие валенки и одежда промерзают насквозь. Но — ни одного насморка. Место гиблое. За два с половиной месяца через мой пулеметный взвод из двух расчетов проходят десятки людей: два-три дня — и мина или шальная пуля. Ночью костер разжигать нельзя. Лесок прозрачен, выбит осколками. Но вот нашу часть отводят на переформирование. Приходит пополнение. Теперь я уже не командир, а пом. комвзвода. Командиром мой недавний однокашник, младший лейтенант Ботин из Ростова-на-Дону. Мы занимаем позицию на правом берегу реки Воря в районе деревни Бурково, от которой остались лишь печи и трубы. Это плацдарм для готовящегося наступления. Высоко колосится ржаное поле. Между нами и

немцами — метров 800. Тихими вечерами, в секрете, слышим, как оттуда доносятся пение и звуки губной гармошки. Бывалые солдаты, вооружась шомполами, зондируют землю на пепелищах, отыскивая крышки погребов. Находят муку. Едим оладьи. Глушим рыбу гранатами. Купаемся в Воре. Греемся на солнышке. Настоящий рай. Такого больше не будет. В июне немцы проводят ночную разведку боем, с огнеметами. Оврагами, сбегающими к реке, они подкрались с тыла почти вплотную к нашим дзотам, ударили из огнеметов, пулеметов и автоматов. Но рота осталась на месте, несмотря на огонь по плацдарму, который открыла наша же артиллерия. В моем взводе — несколько раненых, погиб пулеметчик Кобтев. А вскоре — почти совпало — (это было после сдачи, уже не помню, Одессы или Севастополя) знаменитый приказ Сталина № 42 "Стоять насмерть", открывший широкое поле деятельности для СМЕРШа, штрафных батальонов и заградотрядов, стреляющих по отступающим солдатам. Теперь я зам. политрука роты, но ненадолго. Меня откомандировывают в штаб полка. Мы переходим в наступление под прикрытием первых "катюш". Поле сплошь усеяно трупами немцев. Но наш бросок невелик. Наступления не получилось. Вскоре комиссар полка Андрющенко посылает меня на курсы комиссаров батарей гвардейских минометных частей в глубокий тыл, на Урал, в город Миас. Из Миаса курсы перебрасывают в Омск. Стоят морозы. Мы изучаем материальную часть "катюш" М-13 и ведение огня по площадям, работу наводчика на батарее. Сдаю экзамены. Я лейтенант. Снова Москва. Сокольники. У самого парка — офицерский резерв ГМЧ. Ждем назначения. Режим свободный. И новый сюрприз: приказом Верховного главнокомандующего институт комиссаров в армии ликвидируется. Нас ждут курсы переподготовки — Гороховецкие лагеря. Там мы изучаем противотанковые пушки. Но попадаю я в Калинин, в резервный полк, и оттуда, точно не помню каким образом, оказываюсь под Ленинградом и затем под Нарвой, в Эстонии — в Тарту и на мысе Тапа на Карельском перешейке под Выборгом — командиром минометного взвода 82-миллиметровых минометов в десантном батальоне 220-й отдельной тяжелотанковой бригады резерва Главного командования. Когда в Прибалтике боевые действия были в основном закончены и оставались у немцев лишь отдельные очаги сопротивления, бригада перебрасывается на Западный фронт и проходит с боями длинный путь по польской земле, выбивая немцев из городов Коло, Скерневице, Варшава, и выходит на реку Одер. После небольшой передышки под Кюстрином бригада участвует в последнем наступлении на главном направлении — в битве на Зееловских высотах и в уличных боях в центре Берлина. 2 мая война для меня была закончена.

Я хотел учиться, и в 1946 году без особых хлопот демобилизовался, и через полгода поступил учиться в Киевский институт гражданских инженеров, откуда вскоре перевелся в Инженерно-строительный институт на архитектурный факультет. Во время работы над дипломом я узнал о существовании Костромских научно-реставрационных мастерских (из журнала "Крокодил"), а друзья познакомили меня с книгой Лукомского "Кострома". В Кострому распределялось два места, и мы с женой решили работать здесь. Вскоре жена вернулась в Киев, и я остался один.

Так в августе 1953 года я оказался под сенью Ипатьевского монастыря. Все было точно как в "Крокодиле". Пьяненький мужичок, мерно покачивающийся посреди двора, оказался моим первым директором Богдановым. (За 17 лет моей работы в реставрации сменилось 8 директоров). Главный архитектор мастерской Федор Климкин, когда я приходил на работу, доставал большие карманные часы и смотрел на минутную стрелку. Сам же часами аккуратно затачивал цветные карандаши. Он делал это виртуозно: он был потомственный столяр и не без гордости говорил: "Я родился в стружках". Но вскоре он уволился. Из Москвы приехал зубр реставрации Виктор Михайлович Дворяшин. В 1956 году его сменила на этом посту Калерия Густавовна Тороп. Установились прочные контакты с Ярославлем, Москвой, Киевом, Ленинградом. Мы учились работе, знакомились с реставрационным делом в Прибалтике. Приехали закончившие МАРХИ талантливые молодые архитекторы Геннадий Зосимов и Нина Орехова, из Ленинградского техникума — Альберт Экк, место директора занял опытный прораб Владимир Павлович Чулков, толковый организатор, преданный делу, умный, добрый, требовательный и честный человек.

Для выполнения реставрационных работ находился нестандартный, мощный длинномерный лес, для реставрации деревянных кровель — луб. В Ипатиевской слободе с момента возникновения мастерской работал небольшой, но зато свой заводик крупномерного красного кирпича, и несколько лошадок обеспечивали бесперебойный ритм ремонта монастырских стен и корпусов. Появились свои кузнецы, кровельщики, белокаменщики, лепщики и резчики по дереву; отличный каменщик Константин Кулигин; талантливые реставраторы монументальной живописи и икон Саша Малофеев, Евгений Ильвес, Дмитрий Губочкин, Евгений Марев; свои искусствоведы и свой чудо-плотник, Иван Каргин, умеющий резать топором по дереву, как настоящий художник, срубить угол в крюк с потайным зубом, забраться без устройства лесов на любую высоту, словом, выполнить любую мастерскую работу. Мы учили мастеров знанию архитектурных форм прошлого, но еще больше учились у них. Вскоре приехал, окончив МАРХИ, прирожденный реставратор Леня Васильев. Это была наша весна: активный расцвет реставрационного дела. На первый год моей работы в реставрации пришлось

освобождение Ипатиевского монастыря от семей рабочих ткацких предприятий, проживавших в условиях фантастических. Я видел своими глазами многоярусные, с деревянными лестницами-стремянками нары в церкви Хрисанфа и Дарьи, где семью от семьи отделяли висящие на веревках одеяла, простыни, плащ-палатки.

В 1959 году начались экспедиции: мы обследовали дальние районы области и из обнаруженных там интересных построек формировали музей деревянного зодчества под открытым небом — вначале в стенах Ипатиевского монастыря, а затем на стрелке рек Кострома и Волга.

Так было до появления нового директора Владимира Гавриловича Павлова, знающего автомобилиста, который до прихода в реставрационные мастерские возглавлял областной отдел кинофикации. Он повернул дело с большим размахом. Исчезли лошадки, появились машины в большом количестве, начали строить новый стройдвор, новую контору, работать на власть имущих, и реставрация заглохла. Одно бревно для опоры консольной галереи церкви из села Холм искали два года да так и не нашли, ныне галерея подперта стойкой. Я перешел работать в "Гражданпроект". Конечно, не только из-за Павлова. Я увлекся научными исследованиями в области теории архитектурных пропорций, и мне хотелось понять, можно ли знания, извлеченные из прошлого, эффективно использовать в современном строительстве. Но старая любовь, говорят, не ржавеет. Моя жизнь до сих пор так же связана с исторической архитектурой Костромы и области, как была с ней связана почти полвека назад. Мне выпадает еще порой интересная работа и как реставратору, и как строителю новых храмов.

Мое личное одиночество продолжалось 8 лет. В 1962 году я встретил Ирину Часовникову, человека, тонко одаренного, музыкального, наделенного именно теми душевными качествами, которые во мне самом были не проявлены. Мы поженились. Скудость материального существования семьи (результат моих научных увлечений) никогда не влияла на выбор нашей общей жизненной позиции, поступков.

С 1970 года я работал в "Костромагражданпроекте". Современная архитектура — область не только градостроительного искусства, но и социальной политики. Здесь так же, как на фронте, нужны честность и мужество. Противостояние своекорыстных интересов и подлинных интересов города не прекращается и прекратиться не может. Реставрационные мастерские, Союз архитекторов — все мы были в свое время на высоте. Мы сохранили от посягательств многое в историческом центре города, хотя далеко не все. Главное — спасли кремлевский холм от строительства стометровой башни обкома КПСС, спроектированной по заказу обкома Ин-

ститутом зрелищных сооружений (автор проекта — лауреат Ленинской премии архитектор Константинов). Башня уничтожила бы весь исторический центр с его одноэтажными торговыми рядами, и реставрация костромского Кремля стала бы невозможна. Кострома как исторический город-музей перестала бы существовать. К защите кремлевского холма мне удалось привлечь академиков Михаила Владимировича Алпатова и Бориса Александровича Рыбакова, профессора-градостроителя Андрея Владимировича Бунина и архитектора, публициста и теоретика Георгия Борисовича Борисовского. Стойкими защитниками кремлевского холма были архитекторы Калерия Густавовна Тороп и Леонид Константинович Постников. Теперь диву даешься, видя в роли спасателей тех, кто покорно пробивал волю первого секретаря. Сегодня архитектурная общественность выглядит бледнее, хотя борьба за грамотное и сознательно разумное решение развития исторического центра лишь разгорается. Я участвую в ней по долгу совести.

Труд реставратора пробуждает в архитекторе пытливость. Это сплошные разгадки ребусов. По малейшему следу нужно установить, какая же форма утрачена, нужно суметь различить все искажения, все временные наслоения. Для этого требуется не только умение видеть, но и высокая общая культура, знание истории архитектуры и любовь к своему делу. Поэтому настоящий реставратор никогда не считает себя достаточно опытным. Он все подвергает сомнению, осознает, что очень многое ему неизвестно, и учится всю жизнь. Этот образ жизни по мне. Меня всегда вдохновляет общение с талантливыми людьми, чем бы они ни занимались. Меня притягивает их одаренность, ощущение поля их внутренней духовной жизни. Такие люди не жертвуют призванием, достоинством и честью ради корысти. Я знал лично таких выдающихся людей — мастеров архитектуры, реставраторов Владимира Сергеевича Баниге, Александра Викторовича Ополовникова, Петра Николаевича Максимова; высоко ценю труды Петра Дмитриевича Барановского и Григория Михайловича Штендера, считаю их всех в деле реставрации своими учителями. Мне посчастливилось близко узнать немало одухотворенных и талантливых людей и в Костроме. Почти все они принадлежат моему поколению. Это художники Николай Шувалов, Владимир Муравьев, Алексей Козлов, Евгений Радченко, режиссер Володя Шиманский, архитектор Георгий Саликов. Иных уже нет в живых, иные покинули наш город.

Несколько лет мы собирали в глубинке наиболее интересные образцы народной деревянной архитектуры. Во время этих экспедиций я заметил некоторые конструктивно-художественные особенности в рубке деревянных крестьянских изб и церквей, в литературе никем не отмеченные. Мне

хотелось понять смысл и назначение этих приемов и мне кажется, я сумел это сделать. Об этом — о приеме устройства пологих кровель "по курицам под слеги" и росте диаметров бревен крестьянской избы снизу вверх — я рассказал на совещании реставраторов в Ленинграде, но работа эта так и осталась неопубликованной.

Вторая волнующая задача, с которой я столкнулся в 1959 году при реставрации церкви в селе Красное, имела последствия более серьезные. Требовалось определить, без иконографических обоснований, размеры утраченных частей постройки (главки и кресты). Скажу честно, я решил ее плохо. Но это был заданный самой жизнью вопрос о том, каким путем можно достичь единства частей, входящих в целое? Что есть красота? Я понимал, что ответ можно найти только в истории архитектуры. Ключ к красоте можно искать только в прекрасном. И я отважно пустился в дальнее плавание, не представляя величины проблемы. Так ночью во тьме можно было бы войти в воды озера Байкал, думая, что это река, и пуститься вплавь к другому берегу. Главная мысль была в том, что ключ к тому, что утрачено, нужно искать в том, что сохранилось. Прекрасны формы живой природы, где все части целого возникают по одному и тому же генетическому закону. Целое и части должны были, по моему интуитивному убеждению, описываться одним и тем же алгоритмом. И с первой же пробы такой алгоритм для Парфенона нашелся. Все части храма и его общие величины соединялись одним и тем же отношением — отношением стороны к диагонали двойного квадрата. Я вспомнил своего киевского педагога архитектора Севу Колесникова. Он когда-то рассказал нам о золотом сечении. Чтобы построить золотое сечение, он сначала нарисовал на доске мелом двойной квадрат. Парфенон объясняется двойным квадратом, золотое сечение — тоже. И пропорции церкви Богоявления в селе Красное тоже могли быть истолкованы в этом ключе. Моя сестра Сарра Мановна Кадышевич, ныне покойная, работала в то время в библиотеке сельхозинститута в Караваево и, зная о моих интересах, дала мне посмотреть книжку профессора МАРХИ Николая Ивановича Брунова "Античная пропорция". Читая ее, я обнаружил то, чего не заметил Брунов. Все четыре пропорциональные античные циркуля тоже установлены на отношении линий "двойного квадрата". Я разгадал это ночью, почти во сне, и имел мужество проверить это лишь утром. Круг замкнулся. Я понял, что хвост жар-птицы в моих руках.

К счастью, проектировщики реставрационной мастерской были в то время сдельщиками. Мама жила со мной и получала пенсию. И на два месяца я сгинул. Потом я пошел к Борису Демьяновичу Капустину, начальнику управления культуры области, и положил ему на стол рукопись своей первой книги. Мы обстоятельно поговорили. И в 1962 году была подготовлена к

печати, а в 1963-м вышла в свет в Костромском издательстве первая из девяти ныне мной написанных и изданных книг — книга "Геометрическая гармония". Это был переломный момент в моей жизни.

Исследование проблемы гармонии — это лавина проблем. Ответ на один вопрос рождает множество новых. И я никогда не уставал искать ответы. Я исследовал архитектурные постройки Древней Руси, работал в архивах Москвы, Киева, Ленинграда, побывал в Новгородских и Киевских реставрационных мастерских, с замечательными специалистами которых — однокашниками — был связан личной дружбой со студенческих лет. Проблема, меня интересовавшая, была несравненно шире моей специальности, она требовала не только знания истории искусств, истории культуры античного мира, но и математических, философских, естественно-научных знаний и некоторых сведений из истории религии. Ветхий Завет, Киевский Патерик, Отреченная церковная литература — важные источники истории метрологии. Библия вскоре стала моей настольной книгой.

Требовалось глубоко понять природу чисел и, в частности, по-новому взглянуть на древнейшую проблему философии — проблему числа золотого сечения. Глубокое проникновение в природу золотого сечения позволило мне заметить, что уравнения золотого сечения (если догадаться, что за числами стоят величины, выражающие биологическую энергию роста) рисуют основополагающие формы живой природы. И я посетил (и фотографировал) зоологическую коллекцию и коллекцию черепов гомоноидов в музеях МГУ, коллекции черепов млекопитающих этнографического музея в Ленинграде, коллекции раковин моллюсков в Музее природы в Риге. Так, по воле судьбы, мои интересы из области искусства перемещались в область общей биологии. Опубликованная в 1995 году в Италии в международном биологическом журнале статья "Золотое сечение и биосимметрия" получила широкую известность. Настойчивый труд позволил мне из отдельных своих наблюдений и фактов, известных ученым, выстроить научные гипотезы: теорию архитектурных пропорций и теорию формообразования в живой природе.

Конечно, мне помогают многие костромичи. Помогают публиковать труды, пишут о них. Я глубоко благодарен всем землякам, поддерживающим меня: городскому муниципалитету, администрации области, издателю и меценату важнейшей моей книги, костромичу по происхождению Валерию Вениаминовичу Бабкину, Союзу архитекторов России. Но вся гигантская исследовательская работа лежит бременем на мне одном. Думаю, продолжения этих исследований хватит мне до конца жизни.

Книга "Метаязык живой природы", охватывающая в главном почти все, мной сделанное, сдана мной в печать в 1999 году. Последняя — о новых ис-

следованиях в области русского храмостроения — в 2000 году. В 1999 году освящена и начала службы построенная по моему проекту церковь иконы Божией Матери "Всех скорбящих радосте". Когда этого требуют дело и сама жизнь, я с полной отдачей работаю и сегодня — как архитектор-проектировщик, историк и реставратор.

Но при малейшей возможности я оставляю архитектуру. Архитектура меня кормит, но то, что я делаю безвозмездно в науке — в отличие от архитектурной моей деятельности — за меня не сделает никто. В этом я убежден.

И. Ш. Шевелев,
засл. архитектор Российской Федерации,
академик Нью-Йоркской академии наук